

© 2010 г.

В.О. ПЕЧАТНОВ

ПОСОЛ СССР В ВЕЛИКОБРИТАНИИ И.М. МАЙСКИЙ (по страницам его дневниковых записей)

Имя Ивана Михайловича Майского (1884–1975) – крупного советского дипломата, ученого, писателя – хорошо известно в нашей стране и за рубежом. Еще в начале 1939 г. он задумал написать на склоне лет свои воспоминания под возможным названием “Роман моей жизни”: “Ибо, – пояснил он, – события моей жизни... были действительно подобны самому яркому и увлекательному роману”¹. Деятельность в Лондоне на посту полномочного представителя (с мая 1941 г. – посла) СССР отображена им во многих книгах и статьях мемуарного жанра². При этом были использованы материалы огромного личного архива Майского, в том числе выдержки из дневника. Семь дневниковых тетрадей за период с июля 1934 г. по ноябрь 1941 г. он отослал И.В. Сталину в Москву перед тем, как выехал в декабре 1941 г. из Лондона сопровождать министра иностранных дел Великобритании А. Идена на переговоры с советским руководством. “С точки зрения литературной этот дневник, – писал он Сталину, – конечно, требует еще значительной обработки, ибо писался он в разных условиях и почти всегда наспех. Однако с исторической точки зрения этот дневник несомненно представляет известный интерес... Делайте с ним, что найдете нужным”³. Свой дневник автор вел в Лондоне вплоть до отзыва с поста посла в июле 1943 г., а затем и в Москве с конца 1943 г. по 1945 г. после того, как был назначен заместителем наркома иностранных дел СССР⁴.

Печатнов Владимир Олегович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и политологии стран Европы и Америки Московского государственного института международных отношений (университета)

¹ Научное наследство, т. 33, кн. 1, с. 324. 19 января 1939. Литературу о жизни и творчестве И.М. Майского см.: *Мясников В.С.* Судьба интеллигента в России. – Научное наследство, т. 31, кн. 1, с. 5–23; *Пожарская С.П., Поздеева Л.В.* Иван Михайлович Майский. – Портреты историков, т. 4. Отв. ред. Г.Н. Севостьянов. М., 2004, с. 282–302.

² В сборнике, посвященном 90-летию академика И.М. Майского, приведены биографические данные о юбиларе, его вкладе в науку, список трудов, литература о жизни и деятельности. См.: *Проблемы британской истории.* М., 1974, с. 5–52.

³ Полный текст копии письма Сталину с сопроводительным письмом: Научное наследство, т. 33, кн. 2, ч. 2, с. 88–89. О самом письме см: *Стегний П.В., Соколов В.В.* И.М. Майский: свидетельство очевидца: к 60-летию начала Второй мировой войны. – *Международная жизнь*, 1998, № 8, с. 75–79.

⁴ Иван Михайлович Майский. Дневник дипломата. Лондон, 1934–1943, кн. 1: 1934 – 3 сентября 1939 г. Сост. О.А. Ржешевский, Л.В. Поздеева, Ю.А. Никифоров; отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Наука, 2006. 531 с. (Научное наследство: т. 33, кн. 1); Иван Михайлович Майский. Дневник дипломата. Лондон, 1934–1943, кн. 2, в 2 ч.: ч. 1: 4 сентября 1939 – 21 июня 1941 г. Сост. Н.В. Бойко, Е.В. Косырева, Л.В. Поздеева; отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Наука, 2009. 492 с. (Научное наследство: т. 33, кн. 2), ч. 2: 22 июня 1941–1943 г. Сост. Ю.А. Никифоров, Л.В. Поздеева,

В 1953 г. Иван Михайлович был необоснованно арестован, дневник отобрали, а потом долгое время, даже после освобождения автора в 1955 г. дневник находился под запретом. Отдельные фрагменты его были впервые опубликованы им в научных журналах и произведениях мемуарного жанра, увидевших свет в начале 1960-х годов после многолетних попыток получить право пользоваться собственным текстом. Последние выписки он получил в мае 1964 г. (копии хранятся в личном фонде академика Майского в Архиве РАН). В официальных публикациях также нашлось место лишь для некоторых фрагментов дневника⁵, так что основная его часть до сих пор оставалась неизвестной читателю. Между тем дневник Майского представляет собой уникальный исторический источник. Ценность его определяется не только масштабом личности самого автора и тем, что он находился в гуще мировых событий предвоенных и военных лет, но и тем, что этот дневник – практически единственный масштабный документ такого рода, оставшийся от крупных советских дипломатов того времени. Он интересен богатейшей фактической информацией, пронизательными наблюдениями очевидца и глубокими авторскими размышлениями. Порой это весьма сырой текст, но сама эта “этудность” сохранила для потомков свежесть и непосредственность восприятия истории. Читатель найдет здесь и целую галерею тонких психологических портретов видных политиков и общественных деятелей разных стран, и меткие зарисовки общественно-политической жизни Великобритании, и массу данных о многих других сторонах британского быта тех лет. Далеко не всё из этого материала отложилось в отчетах или в телеграммах Майского для руководства. В этом смысле его дневник выходит далеко за пределы чисто служебного документа и является важным памятником эпохи, сочетая строгую профессиональную достоверность дипломата с яркой образностью писателя и аналитикой настоящего ученого.

В начале своей деятельности на посту полпреда И.М. Майский руководствовался разработанным НКВД СССР планом создания системы коллективной безопасности в Европе и на Дальнем Востоке. Иван Михайлович был знаком с наркомом иностранных дел М.М. Литвиновым еще со времен эмиграции. Перед отправкой Майского в Лондон тот ориентировал его на развитие контактов с консервативной партией, с которой, в отличие от либералов и лейбористов, советское правительство почти не имело связей⁶.

“Визитная кампания” заняла первые четыре месяца после прибытия советского полпреда в октябре 1932 г. на Британские острова. Многие государственные и политические деятели поначалу избегали встреч с советским дипломатом. “Большая консервативная печать воздерживалась от личных контактов с советским полпредством”⁷. По-иному повел себя постоянный заместитель министра иностранных дел Великобритании (т.е. главный карьерный дипломат Форин офис) лорд Ванситарт, который, по его словам, способствовал выработке позитивной оценки Майского в Лондоне и помог ему приобрести “значительный дипломатический вес”⁸. Самая первая запись в дневнике (12 июля 1934 г.) открывается словами: “Ванситарт пригласил меня к себе”⁹.

Немалую роль сыграли собственные инициативы полпреда и признание британской стороной его высоких профессиональных качеств. Это проявилось, в частности, во время трудных переговоров о Временном торговом соглашении между СССР и Великобританией, подписанном 16 февраля 1934 г.¹⁰ Большое значение Иван Михайло-

О.А. Ржешевский; отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Наука, 2009, 398 с. Научное наследство: т. 33, кн. 2, ч. 2.

⁵ Документы внешней политики СССР (далее: ДВП СССР), т. XVII–XXI за 1934–1938 и 1939–1941 гг.

⁶ *Майский И.М.* Воспоминания советского посла, кн. 2. М., 1964, с. 43–45.

⁷ Я. Масарик – И. М. Майскому. 30 июля 1936 г. Архив РАН.

⁸ *Vansittart R.* The Mist Procession. The Autobiography of Lord Vansittart. London, 1958, p. 455.

⁹ Научное наследство, т. 33, кн. 1, с. 12. 12 июля 1934 г.

¹⁰ Там же. Прим. 16, с. 453.

вич придавал знакомству с деятелями общественных организаций, с представителями бизнеса, королевского двора, церкви¹¹. В 1934–1935 гг., например, он встречался с нефтепромышленником лордом Векфилдом, с верхушкой “Lloyd-Bank”, с главой концерна “Imperial Chemical Industries” Г. Макгоуном, который интересовался возможностью расширения англо-советской торговли. Приглашенный на обед старинной гильдии книготорговцев, Майский вступил в разговор с принцем Уэльским (будущим королем Великобритании Эдуардом VIII). Большое значение, как отмечено в дневнике 16 июля 1934 г., имело знакомство с главным финансовым советником британского правительства Ф. Лейт-Россом.

В книге 1-й дневника внимание читателя прежде всего привлечет содержание бесед полпреда с членами кабинета и политиками разной партийной принадлежности – консерваторами (лордом Бивербруком, лордом Галифаксом), лейбористами (А. Гринвудом, Х. Долтоном, К. Эттли), либералами (особенно – Д. Ллойд Джорджем, который предстает в дневнике одной из самых впечатляющих фигур британской политики). Близкие отношения, как и раньше, поддерживались с Сиднеем и Беатрис Уэббами, с деятелями науки, с крупными писателями (Бернардом Шоу, Гербертом Уэллсом). Частыми были встречи с членами Британского конгресса тред-юнионов, не говоря уже о деятелях компартии Великобритании, с президентом Союза Лиги Наций лордом Р. Сесилом. Круг общения – главный капитал настоящего дипломата – всё время расширялся. “Вереница лиц, – заметил как-то Майский, – люди пополняли мое воображение, люди теснились в моем сознании”. Он вступал в постоянный обмен мнениями с официальными и неофициальными представителями не только Великобритании, но и с политиками Франции, Италии, стран Центральной и Восточной Европы, а также Китая, в меньшей степени США. Эта была своего рода “персонифицированная дипломатия”; существо дипломатических акций и инструкций передавалось в непринужденной разговорной форме.

Нередко в свое повествование автор вводил тексты советских и британских документов, сведения о правительственных решениях и переговорах, выдержки из прессы – советской и английской.

14 февраля 1935 г. Майский сообщил лорду Ванситарту, что в Москве приветствовали бы его “частную поездку” в СССР вместе с У. Элиотом (министром сельского хозяйства). Ванситарт добавил имя А. Идена – “он привык ездить по другим странам, он лично знает г. Литвинова... Я горячо поддержал кандидатуру лорда-хранителя печати Идена”¹². К книге 1-й приложена справка НКВД СССР от 29 марта 1935 г. о том, что “в Архиве внешней политики СССР находится на режиме секретного хранения личный архив И.М. Майского, в котором имеется запись беседы т. Сталина с Иденом при участии Молотова, Литвинова и Майского”¹³. В дневник включен также полный текст советской записи беседы Сталина и Молотова с Иденом 29 марта¹⁴; большое место отведено вопросу об участии Майского в подготовке визита британского министра в Москву, в разработке программы его пребывания и заключительного коммюнике¹⁵.

С первых лет своей работы в Великобритании советский полпред реалистически оценивал ее международные позиции и возможности, расстановку политических сил и известный раскол “в верхах”. Противоречивые взгляды ведущей консервативной партии он обозначил так: с одной стороны – это мечты части консерваторов о крестовом походе против СССР, с другой – ориентация на создание блока “удовлетворенных”

¹¹ Там же, с. 28, 72, 112, 109 (15 ноября 1934 г., 28 января, 27 июня, 16 июля 1935 г.).

¹² Научное наследство, т. 33, кн. 1, с. 76. 14 февраля 1935 г.

¹³ Там же, с. 98.

¹⁴ Там же, с. 98–101; см. также: Документы внешней политики СССР, т. XVIII, № 148, с. 246–251.

¹⁵ Исследование этого вопроса с привлечением архивных документов см: *Попов В.И.* Дипломатические отношения между СССР и Англией (1929–1939 гг.). М., 1965, с. 181–191.

своими владениями стран (в том числе Британии) и не желающих развязывания войны. “Колебания в отношении СССР – включать или не включать? – опасения Коминтерна”. К этой группе был отнесен Р. Ванситарт, У. Черчилль, А. Иден¹⁶. Под давлением кливленских кругов, настроенных в пользу соглашения со странами фашистского блока, в начале 1938 г. был снят со своей должности Ванситарт, назначенный главным дипломатическим советником британского МИД. “Почетъ” значила, как верно определил Майский, что лорд лишился непосредственного руководства аппаратом Форин офис. Черчилль в разговоре с полпредом подтвердил: “Сейчас у Ванситарта есть влияние, но нет власти”¹⁷. Выступления Черчилля, его поворот в сторону сотрудничества Британии и Франции с СССР, предупреждения о главной угрозе Британской империи со стороны гитлеровской Германии и ее союзников по антикоммунистическому пакту – всё это внимательно прослеживалось Майским¹⁸.

С переходом держав “оси” к прямым актам агрессии открылась более ответственная фаза в европейской и международной политике. Дневник Майского за 1938 г. значительно превосходит по своему объему (с. 206–322) довоенные “Воспоминания”, где этому году отведено всего 20 страниц. Там он, правда, упомянул о своем и М.М. Литвинова присутствии в качестве делегатов Ассамблеи Лиги Наций на ее сессии в Женеве, выступлении наркома 21 сентября с трибуны Лиги и встрече через два дня с представителями Британии Р. Батлером и лордом Де Ла Варром¹⁹. В дневниковых записях Майского о пребывании советской делегации в Женеве 8–27 сентября 1938 г. подробно освещены поступавшие к ней сведения о подготовке Англией и Францией сделки с Гитлером за счет Чехословакии²⁰. В разговорной форме изложена беседа с Де Ла Варром и Батлером 23 сентября, их вопросы и ответы Литвинова. “М.М., – заметил Майский, – как всегда, – проявлял большой скептицизм”²¹.

Большое внимание в дневнике уделено событиям в Испании 1936–1939 гг. Записи этих лет в дополнение к документам о деятельности Майского в лондонском Комитете по невмешательству, где он в те годы представлял советское правительство, останутся одним из основных источников для изучения героической борьбы Испанской республики с фашизмом. Многотомное издание “Стенографические отчеты о заседаниях Международного комитета по применению соглашения о невмешательстве в Испанию”, как и собственный опыт, использовались Иваном Михайловичем при написании мемуаров и исторических трудов²². “Война в Испании, – подчеркивается в недавнем исследовании С.А. Наумова, – показала практическую несовместимость франко-британской политики умиротворения и советской политики коллективной безопасности”²³.

Массу времени Майский в Лондоне отдавал обмену нотами и проектами соглашения между СССР, Англией и Францией. Ценны, помимо описания встреч с лордом Га-

¹⁶ Научное наследство, т. 33, кн. 1, с. 116–117. 7 сентября 1935 г.

¹⁷ Там же, с. 206. 4 января 1938 г., с. 208–209. 27 января 1938 г., с. 229. 23 марта 1938 г. Во время Второй мировой войны Ванситарт, как упомянул Майский в книге “Воспоминания советского посла, кн. 3. Война 1939–1943” (М., 1965, с. 75), стал лидером германофобского движения в Англии, но в переизданной книге (Воспоминания советского дипломата. М., 1987) об этом не упомянуто.

¹⁸ Научное наследство, т. 33, кн. 1, с. 188. 16 ноября 1937 г.

¹⁹ Майский И.М. Воспоминания..., кн. 2, с. 442–443.

²⁰ Научное наследство, т. 33, кн. 1, с. 267–286.

²¹ Там же, с. 280.

²² Майский И.М. Испанские тетради. М., 1962; *его же*. Воспоминания советского посла. М., 1965, с. 287–428. В научной и педагогической работе автора история Испании в новое и новейшее время становилась одной из главных тем. См: *Пожарская С.П.* Академик Иван Михайлович Майский (Страницы творческой биографии). – Из Истории Европы в новое и новейшее время. М., 1984, с. 5–17; *ее же*. Франсиско Франко и его время. М., 2007.

²³ Наумов С.А. Дипломатическая борьба в Европе накануне Второй мировой войны. История кризиса Версальской системы. М., 2007, с. 145–146.

лифаксом, его постоянным заместителем А. Кадоганом и другими дипломатами, воспроизведенные в книге 1-й дневника беседы полпреда с дипломатами других стран, аккредитованными в Лондоне.

Лишь вскользь Майский упомянул о своем присутствии на совещании в Кремле 21 апреля 1939 г. по вопросам англо-франко-советских переговоров²⁴. “Произошел острый спор между Молотовым и Литвиновым... Дискуссия показала, что вопрос об отставке Литвинова назрел”²⁵. Стоит подчеркнуть, что каких-либо неосторожных замечаний в адрес советского руководства и его политики полпред не позволял себе высказывать даже в дневнике. Снятие Литвинова с поста наркома иностранных дел 3 мая 1939 г. в нем также не комментировалось. Да и узнал Майский эту новость на англо-китайском обеде от английского журналиста Вернона Батлера. Тот сунул ему клочок бумаги со словами: “Сейчас получено из Москвы известие, что Литвинов вышел в отставку”²⁶. Это событие осложнило положение полпреда в Лондоне.

В политических и военных переговорах в Москве с представителями Великобритании и Франции летом 1939 г. Майский не участвовал. Тем не менее получаемые им в Лондоне из разных источников сведения дали ему возможность утвердиться в своем убеждении: “Еще раз становится ясно, что Лондон и Париж не думают всерьез о соглашении”²⁷. В связи с вступлением советских войск в Польшу Майский не прогнозировал решительных ответных действий со стороны британского правительства. 18 сентября 1939 г. поздно вечером оно “сделало беззубое заявление, даже не протест, по поводу наших действий в Польше”, а у Чемберлена в палате общин на следующий день “не хватило духу даже на резкое выступление против СССР”. Но вся пресса, особенно лейбористская, настроена очень враждебно²⁸. По поводу Договора о дружбе и границе, заключенном 28 сентября 1939 г. между СССР и Германией, британский премьер “даже не рискнул высказать осуждение”²⁹.

Первую реакцию британской прессы на вооруженное выступление СССР против Финляндии Майский назвал “бешеной”, отметив в то же время выжидательную позицию британского правительства (“хочет посмотреть, куда будет дуть ветер”)³⁰. В публикацию российских документов за 1939 г. включены дневниковые записи Майского на эту тему³¹, но всё же значительное их число ввиду большого объема опубликовано не было. Дневник существенно дополняет сведения о позиции У. Черчилля (6 сентября он был введен в состав британского кабинета в качестве министра обороны), А. Идена и других членов консервативной партии; подробно описаны встречи полпреда с Г. Моррисоном и другими лейбористами.

В дневнике изложены малоизвестные подробности исключения СССР из Лиги Наций. В.М. Молотов отказался участвовать в заседаниях Лиги, сочтя ее созыв необоснованным³². Инициативу проявили делегаты Аргентины, Уругвая и Венесуэлы, за кулисами большую активность развил посол США У. Буллит. Решение об исключении было принято 14 декабря 1939 г. Совет Лиги Наций и Ассамблея мотивировали его тем, что СССР своими действиями в Финляндии поставил себя “вне Лиги” и потому более не является ее членом³³.

²⁴ Научное наследство, т. 33, кн. 1, с. 380. 28 апреля 1939 г.

²⁵ Очерки истории Министерства иностранных дел России 1802–2002. М., 2002, т. 3, с. 350.

²⁶ Научное наследство, т. 33, кн. 1, с. 386. 3 мая 1941 (1939?) г.

²⁷ Научное наследство, т. 33, кн. 2, ч. 1, с. 16–18; 17, 19–20 сентября 1939 г.; прим. 4, с. 414–415.

²⁸ Там же, с. 17–18. 19, 20 сентября 1939 г.

²⁹ Там же, с. 26. 3 октября 1939 г.

³⁰ Там же, с. 75. 2 декабря 1939 г.

³¹ ДВП, т. XXII, кн. 2. М., 1992.

³² Там же, № 833, с. 364–365.

³³ Woodward L. British Foreign Policy in the Second World War. London, 1970–1975. v. 1, p. 41–42.

“Дирижировали всем в Женеве Англия и Франция, – писал Майский. – Здесь, в Англии, реакция на решение ЛН пока весьма сдержанная. В сегодняшней прессе исключение СССР отодвинуто на второе место”. Р. Батлер заявил журналистам, что в отношениях с СССР он не ожидает каких-либо изменений³⁴.

В конце 1939 – начале 1940 г. полпред тем не менее уделил большое внимание “разным фазам” (“волнам”) антисоветской кампании в Британии в связи с “Зимней войной”. Вместе с тем, он отметил проявление некоторыми политиками сдержанности в вопросе об оказании помощи Финляндии, так же как и прохладное отношение Чемберлена и Галифакса к предложению Франции об отправке в Финляндию экспедиционного корпуса³⁵. 8 марта в дневнике зафиксировано первое сообщение из Стокгольма о мирных переговорах между СССР и Финляндией. Майский заметил: “Бритпра не только не хочет ликвидации финской войны, но, наоборот, предпринимает меры к тому, чтобы затянуть и интенсифицировать ее”. Один из мотивов таков: “Заключение мира, несмотря и вопреки отказу Англии посредничать, явится тягчайшим ударом по престижу Великобритании в Скандинавии”³⁶.

Подробно развиты в дневнике такие темы, как падение правительства Чемберлена и формирование 10 мая 1940 г. коалиционного правительства Черчилля, “битва за Англию”, ее решимость не сдаваться нацистам (“не пустим Гитлера на наши острова!”³⁷), стойкость британцев во время воздушного блица Германии осенью 1940 г. и весной 1941 г. Размышляя о причинах краха западной политики “умиротворения”, Майский записал в дневнике 20 мая: «Правящая верхушка “западных демократий” не только упустила возможность играть советской картой, не только вырастила своего собственного могильщика, но – такова была ее самовлюбленность и самонадеянность – даже не позаботилась о приведении в надлежащий порядок “на всякий случай” своих вооружений. Она не допускала мысли, что ее игра может не удалиться и что Гитлер вместо востока может повернуть на запад!»³⁸

После поражения Франции правительство Черчилля стало изыскивать пути сближения с СССР. 20 мая 1940 г. министр иностранных дел лорд Галифакс известил Майского о решении направить в Москву С. Криппса для выяснения возможности улучшения англо-советских отношений и заключения торгового соглашения³⁹. В документах МИД РФ освещена предыстория поездки Криппса в Москву и назначения его послом в СССР⁴⁰. 1 июля 1940 г. Криппс нанес визит в Кремль и до начала беседы с И.В. Сталиным вручил В.М. Молотову послание Черчилля советскому руководству (датировано 24 июня 1940 г.)⁴¹. Г. Городецкий оценил это послание как малопривлекательное для Москвы, а В.Я. Сиполс – как попытку британского правительства “вбить клин” в отношения между СССР и Германией⁴².

И.М. Майский в воспоминаниях и еще более подробно в дневнике изложил перипетии, связанные с подготовкой визита Криппса в Москву и с необычной передачей ему верительных грамот по телеграфу. Высокая оценка была дана личным качествам Криппса и его политической позиции; отмечено, что британское правительство в отношениях с СССР “далеко правее Криппса”⁴³. Вызывает удивление, что Майский,

³⁴ Научное наследство, т. 33, кн. 2, ч. 1, с. 83–84. 15 декабря 1939 г.

³⁵ Там же, с. 85. 24 декабря 1939 г.; с. 95, 110–112, 126 (3, 25, 26 января, 21 февраля 1940 г.).

³⁶ Там же, с. 128–129. 8 марта 1940 г.

³⁷ Там же, кн. 2, ч. 1, с. 201–202, 231. 23 июня, 24 июля 1940 г.

³⁸ Там же, с. 179.

³⁹ ДВП, т. XXIII, кн. 1. М., 1995, № 154, с. 275.

⁴⁰ Там же. № 157, 159, 173, 226, с. 280, 284–285, 306–307, 376–378.

⁴¹ Там же. № 240, с. 394–400.

⁴² *Gorodetsky G. Stafford Cripps' Mission to Moscow, 1940–1942. Cambridge, 1984, p. 51–52; Сиполс В.Я. Тайны дипломатические. Канун Великой Отечественной. 1939–1941. М., 1997, с. 255.*

⁴³ Научное наследство, т. 33, кн. 2, ч. 1, с. 187–190 (5 июня 1940 г.); с. 211–212 (1 июля 1940 г.); с. 221–223 (8 июля 1940 г.).

судя по всему, о содержании беседы в Кремле советской стороной поставлен в известность не был. 7 июля он заметил: “От К. узнал след[ующие] подробности беседы со С[талиным], происходившей 1 июля в присутствии М[олотова]. Криппс от имени британца затронул 4 пункта”⁴⁴.

Дневник за 1941 г. открывался “гипотетическим прогнозом”: судя по всему, “попытка knock out blow (нокаутующего удара) в отношении Англии будет сделана и, вероятнее всего, провалится”. В каком направлении будет нанесен удар и в какой форме, Майский не был уверен⁴⁵. Однако стратегия рейха была совершенно определенно нацелена на войну с СССР. Весной 1941 г. уже развертывалась подготовка к нападению. Сведения на этот счет поступали из многочисленных источников в Москву, получал их и Майский в Лондоне. 4 апреля с пометкой “Чехи сообщают” он передал сведения о продвижении через Прагу в больших количествах войск на советскую границу; Географический институт в Праге, уже давно перешедший в руки немцев, занят сейчас спешным изготовлением подробных карт Украины⁴⁶.

Беседа 9 апреля с послом в кулуарах Вестминстера, парламентский личный секретарь Черчилля Б. Бракен “полушутя” посоветовал “поскорее снять указатели дорог на Украине”, а днем раньше лорд Ванситарт прямо предрек наступление Германии на СССР⁴⁷. На завтраке с Бракеном 30 апреля Майский, по его словам, “резко напал на тенденцию пугать нас Германией, так ярко просвечивающуюся в последнее время в английской печати и среди английских политиков”. В этой же связи Майский упомянул выступление Черчилля 9 и 27 апреля в парламенте, – “он тоже отдает дань широко распространенному поверию”. Бракен, правда, признался, что никакой точной информации о намерениях Гитлера напасть на СССР у него нет⁴⁸. Без комментариев записал в дневнике посол полученные им сведения о сделанном Черчиллем 7 июня редакторам лондонских газет докладе на тему о неизбежности войны между Германией и СССР. А в конце премьер дал указание министру информации Д. Куперу раздувать эту тему⁴⁹.

По видимому, Майский не был уверен в достоверности всех этих сведений. В свой дневник он лишь в конспективной форме включил петитом набранный текст о разговоре с А. Иденом 10 июня⁵⁰. Тот сообщил о готовности Великобритании в случае нападения Германии на СССР направить в Москву военную миссию и обсудить его экономические потребности⁵¹. О встречах Идена с Майским 10 и 13 июня 1941 г. из дневника нам неизвестно. Трудно согласиться с мнением, что донесения Майского “усыпили” Сталина в отношении реальной военной опасности⁵². В 1940 – 1-й половине 1941 г. у Майского, как представляется, не было больших возможностей для оказания влияния на политику советского руководства. Конечно, посол формулировал свои выводы, соотносясь с настроениями и расчетами Сталина. Но ведь предупреждения об ожидаемом в ближайшие дни вооруженном выступлении Германии против СССР Сталин получал и из других источников⁵³. Кроме того, едва ли он так доверялся своему послу в Лондоне. Подтверждение неизбежности нападения на СССР Майский получил от С. Криппса 18 июня и 21 июня (в 4.30 дня); британский посол ожидал, что оно произойдет 22-го, но, “по-видимому, Гитлер отложил его до следующего воскресенья, 29[-го]”. Иван Михайлович заключает: “Ложась спать, я уже почти пришел к выводу,

⁴⁴ *Майский И.М.* Воспоминания советского посла. Война 1939–1943, с. 126–128.

⁴⁵ Научное наследство, т. 33, кн. 2, ч. 1, с. 314–315, 1 января 1941 г.

⁴⁶ Там же, с. 363–364. 1 апреля 1941 г.

⁴⁷ Там же, с. 369. 9 апреля 1941 г.

⁴⁸ Там же, с. 385. 30 апреля 1941 г.

⁴⁹ Там же, с. 407. 12 июня 1941 г.

⁵⁰ Там же, с. 407–408.

⁵¹ *Eden A.* (The Lord of Avon). The Reckoning. London, 1965, p. 266–268.

⁵² *Горюхицкий Г.* Миф “Ледокола”: Накануне войны. М., 1995, с. 326–330.

⁵³ См., например: Секреты Гитлера на столе у Сталина. Разведка и контрразведка о подготовке германской агрессии против СССР. М., 1995, с. 161–163.

что Гитлер на этот раз не блеффирует, а думает о серьезном нападении. Однако верить в это всё-таки не хотелось”⁵⁴.

“Итак, война!.. Неужели Гитлер ищет самоубийства?” – записал Майский 22 июня 1941 г. В тот же день он посетил Идена в Форин Офис, а в 9 часов вечера заслушал выступление британского премьер-министра по Би-Би-Си. “В основном речь Черчилля – боевая, решительная речь: никаких компромиссов и соглашений! Война до конца!”⁵⁵

Дневник содержит большой объем достоверной информации о первых годах Великой Отечественной войны, о советско-английских отношениях, становлении антигитлеровской коалиции. Как и ранее, посол давал компетентные оценки обстановки в Британии, рисовал впечатляющие портреты множества государственных, политических и общественных деятелей Европы, с которыми вел переговоры или просто общался. “Майский, – отмечает С.Л. Тихвинский, – проявил незаурядный дипломатический талант, поддерживая ровные отношения с властолюбивым, обидчивым и упрямым Черчиллем, резко реагировавшим на критические послания Сталина в его адрес, передававшиеся через посла”. Тесные контакты, в частности с лордом Бивербруком, Майский использовал в интересах ускорения поставок советско-германскому фронту. Большое значение имело распространение с помощью посла правдивой информации о положении на фронтах войны⁵⁶.

Летом 1941 г. наступил самый ответственный и насыщенный период работы Майского в Лондоне. 20 июля 1941 г. он записал: «Вчера утром я получил “личное послание” Сталина Черчиллю с просьбой перевести его на английский язык и немедленно вручить по назначению». Британский премьер не скрывал, когда принял посла, что был доволен самим фактом получения “личного послания”. Но по одному из затронутых вопросов – о втором фронте во Франции – Черчилль сразу занял отрицательную позицию: “Это невозможно. Это рискованно. Это кончится катастрофой для Англии”⁵⁷. Через Майского и в дальнейшем осуществлялась переписка двух лидеров, проблематика которой составляет одну из сквозных линий дневниковых записей за 1941–1943 гг. Часто посол вручал телеграммы лично британскому премьеру, и нередко тот бурно реагировал на те или иные требования и упреки Сталина. Впрочем, иногда реакция Черчилля была прямо противоположной. Страницы дневника сохранили, например, выразительное описание переживаний премьера в ответ на послание Сталина от 30 марта 1943 г., в котором тот тепло поздравил Черчилля с новыми успехами в Африке и поделился своим впечатлением от подарка премьера – фильма “Победа в пустыне”, рассказывавшего о битве под Эль-Аламейном: “Фильм великолепно изображает, как Англия ведет бои, и метко разоблачает тех подлецов – они имеются и в нашей стране, – которые утверждают, что Англия будто бы не воюет, а только наблюдает за войной со стороны”⁵⁸.

«Я внимательно следил за выражением лица Черчилля, – записал в дневнике посол. – Когда он дошел до фразы о “подлецах”, с ним произошло что-то странное. По лицу премьера прошла быстрая судорога, он на мгновение закрыл глаза и, когда вновь их открыл, в глазах у него стояли слезы. Черчилль был слишком взволнован и не мог усидеть на месте. Премьер опять вскочил со стула, отошел к камину и с чувством воскликнул:

– Горячее спасибо Сталину! Вы еще никогда не приносили мне такого замечательного послания.

⁵⁴ Научное наследство, т. 33, кн. 2, ч. 1, с. 410–413. 21 июня 1941 г.

⁵⁵ Научное наследство, т. 33, кн. 2, ч. 2, с. 5–6. 22 июня 1941 г. Об этом выступлении см.: Трухановский В.Г. Уинстон Черчилль. М., 2003, с. 309–312.

⁵⁶ Тихвинский С.Л. Избранные произведения, кн. 4. М., 2006, с. 25–26.

⁵⁷ См. Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-Министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., т. 1. М., 1989, с. 18–19; Научное наследство. т. 33. кн. 2, ч. 2, с. 14, 15–16. 20 июля 1941 г.

⁵⁸ Переписка..., т. 1, с. 132.

Было ли всё это искренне? Или было ли это игрой? – продолжал свою запись Майский. – Мне кажется, что в поведении Черчилля было и то, и другое. Несомненно, фраза о “подлецах” должна была глубоко тронуть премьера. В ней он должен был усмотреть столь желанное признание его боевых усилий за эти три года. Из уст кого?.. Из уст Сталина!»⁵⁹ (Как установил автор данной статьи, словечко “подлецы” было единственной сталинской вставкой в подготовленный В. М. Молотовым текст послания, но она, как видно, попала точно в цель⁶⁰).

В дневнике 2-й половины 1941 г. полно отражена информация как о сложности процесса установления новых межгосударственных связей, так и о сдвигах в отношениях между главными странами – противниками “оси”. После нелегких переговоров Майский отметил торжественное сообщение, сделанное 12 июля 1941 г. в Москве и Лондоне: “Подписан договор о военном союзе... СССР и Англия – союзники. Общими силами они ведут смертельную борьбу против Германии”⁶¹. Вскоре советский посол смог содействовать подготовке визита личного представителя президента США Г. Гопкинса в Москву, где 30–31 июля 1941 г. он провел плодотворные переговоры с И.В. Сталиным. Не вдаваясь в повторения хорошо известных фактов, отметим запись в дневнике, где говорится: “По словам американского посла в Лондоне Дж. Вайнанта, у Гопкинса создалось представление, что Красная Армия имеет свою собственную достаточно крепкую базу и что вообще СССР – солидный партнер, с которым США стоит иметь дело”⁶². На межсоюзнической конференции в Лондоне 24 сентября 1941 г. Майский огласил декларацию правительства СССР в поддержку основных принципов Атлантической хартии Ф.Д. Рузвельта и У. Черчилля. Оговаривалась, впрочем, необходимость сообразовывать применение этих принципов “с обстоятельствами, нуждами и историческими особенностями той или другой страны”⁶³. О критических замечаниях к декларации Рузвельта и Черчилля Молотов уведомил Майского еще перед открытием конференции⁶⁴.

Советскому послу довелось поставить свою подпись под документами о нормализации отношений с рядом обосновавшихся в Лондоне эмигрантских правительств. Трудными были переговоры по вопросам восстановления дипломатических отношений и создания польской армии на территории СССР. Они велись с участием Идена, Майского и премьер-министра польского правительства В. Сикорского с 3 июля и успешно завершились 30 июля 1941 г.⁶⁵ Большое значение придавалось движению “Свободная Франция”. 26 сентября 1941 г. правительство СССР в письме за подписью Майского уведомило генерала Шарля де Голля, председателя Национального комитета Свободной Франции, о признании его руководителем “всех свободных французов” и выразило готовность оказать им всестороннюю помощь в общей борьбе с Германией и ее союзниками. Де Голль ответил благодарственным письмом. В день обмена пись-

⁵⁹ Научное наследство, т. 33, кн. 2, ч. 2, с. 250. 31 марта 1943 г.

⁶⁰ См.: *Печатнов В.О.* Как Сталин и Молотов писали Черчиллю (по документам сталинского архива). – Россия в глобальной политике, 2009, № 4, с. 162. В более лаконичном виде Майский описал эту реакцию Черчилля в телеграмме, расписанной высшему советскому руководству (Архив внешней политики РФ (далее – АВП РФ), ф. 059а, оп. 7, п. 13, д. 6, л. 255–256).

⁶¹ 12 июля 1941 г. В. М. Молотов и С. Криппс подписали “Соглашение о совместных действиях Правительства Союза ССР и Правительства Его Величества в Соединенном Королевстве в войне против Германии” (ДВП, т. XXIV. М., 2000, с. 145).

⁶² Научное наследство, т. 33, кн. 2, ч. 2, с. 18–20, 28. 29 июля, 3 августа 1941 г.; О миссии Гопкинса 1941 г. в СССР см.: *Мальков В.Л.* Путь к имперству. Америка в первой половине XX в. М., 2004, с. 360–362.

⁶³ ДВП, т. XXIV. № 218, с. 321–323.

⁶⁴ Научное наследство, т. 33, кн. 2, ч. 2, с. 35. 24 августа 1941 г.; Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945, т. 1. М., 1983, с. 104.

⁶⁵ Описание хода дискуссий и подписания договора см.: Научное наследство, т. 33, кн. 2, ч. 2, с. 20–28 (3–30 июля 1941 г.); с. 339–340, прим. 21–25.

мами генерал, по словам Майского, высказался “antibritish”. До апреля 1942 г. официальные отношения с ним поддерживались через Майского⁶⁶.

В центре внимания автора дневника в конце лета – осенью 1941 г. находилось, с одной стороны, тяжелое положение на советско-германском фронте, трения с британским правительством по вопросам военной помощи, а с другой – позитивные решения западных союзников. В их числе – принятый 1 октября 1941 г. на Московской конференции представителей СССР, США и Великобритании секретный протокол о взаимных военных поставках⁶⁷. Глава британской делегации лорд Бивербрук еще перед отъездом в Москву говорил Майскому, что основную работу надеется закончить в несколько дней (“надо действ[овать], а не исслед[овать]”): «Я восхищен храбр[остью] и упорством русских. Это настоящий народ. В перв[ый] день войны вы мне сказали: We will fight like devils. Я пришел к премьеру и сказал: “Майский говорит, что русс[кие] будут драться like devils. Надо им помочь!” Вышло так, как вы сказали»⁶⁸.

Решения Московской конференции не предотвратили политических осложнений в отношениях СССР с Великобританией. В связи с затягиванием британским правительством объявления войны Финляндии, Венгрии и Румынии Сталин в послании Черчиллю от 8 ноября 1941 г. резко высказался по поводу отсутствия договоренности по вопросам о целях войны и планах послевоенного мироустройства. “Кажется, – написал Майский в дневнике 11 ноября, – мы пришли к первому кризису в отношениях между союзниками”⁶⁹. Кризиса удалось избежать благодаря усилиям Майского, Идена и Бивербрука. Посол, в частности, попытался смягчить раздражение и Черчилля и Идена, напомнив им о специфике интересов и о различии в положении СССР и Англии. В личной переписке они договорились о поездке в Москву Идена⁷⁰.

Почти весь месяц, начиная с 7 декабря, Майский не вел свой дневник, поскольку вскоре отбыл в Москву на переговоры с советским руководством о проектах договоров между СССР и Великобританией. В Москве Майский присутствовал на всех четырех встречах Идена со Сталиным и Молотовым, согласовывал с английской стороной тексты документов, переводил переговоры, составлял записи бесед. Ни один из документов подписан не был, так как британское правительство отказалось принять советское требование о признании западных границ СССР 1941 г.

Дальнейшие переговоры между СССР и Великобританией велись в переписке Сталина с Черчиллем и по обычным дипломатическим каналам, в том числе через Майского, а в мае – июне 1942 г. – Молотовым во время его визита в Лондон и Вашингтон⁷¹. Отдельные записи о ходе переговоров Майский включил в дневник. 26 февраля 1942 г., в частности, отмечено: “И[ден] сообщил, что вручил Вайнанту, который сегодня улетел, мемо[рандум] для Рузв[ельта] в духе моего разговора с Вай[нантом] (хотя мы не стоваривались). И[ден] за всемерное уск[орение] подписания договоров. Дает месяц срока. Я: если не подпиш[ем] в ближайшее время, эффект в[ашей] поездки в М[оскву] исчезнет”. Высокий профессионализм и большой вклад посла в становление советско-английского союза втихомолку признавала и не падкая на похвалу британская дипломатия: в характеристиках ведущих советских деятелей о нем говорилось: “В годы войны Майский стал одной из выдающихся фигур среди послов при дворе Ее величества. Хорошо осведомленный и проницательный знаток всех сторон бри-

⁶⁶ Научное наследство, т. 33, кн. 2, ч. 2, с. 55, прим. 58, С. 343; Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945, т. 1. 1941–1943. М., 1983, с. 51–52.

⁶⁷ ДВП, т. XXIV. № 230, с. 341–348.

⁶⁸ Научное наследство, т. 33, кн. 2, ч. 2, с. 54. 24 сентября 1941 г.

⁶⁹ Там же, с. 78. 11 ноября 1941 г.

⁷⁰ Там же, с. 78–84. 11 и 12 ноября 1941 г. См. также: *Соколов В.В.* И.М. Майский между И.В. Сталиным и У. Черчиллем в первые месяцы войны. – Новая и новейшая история, 2001, № 6, с. 29–31.

⁷¹ Подробнее об этих переговорах см.: *Ржевский О.А.* Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискусии. Документы. Комментарии. 1941–1945. М., 2004.

танской политической жизни, он сыграл важную роль в переговорах, увенчавшихся подписанием англо-советского Договора в мае 1942 г.⁷².

Западные союзники в коммюнике от 12 июня 1942 г. подтвердили достижение с СССР полной договоренности “в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 году”. Однако после разговора с Иденом 29 июня Майский с полным основанием утверждал, что «никакого серьезного фронта в 1942 г. не получится, и Черчилль вместе с Иденом постараются-таки сделать “решающим” годом 1943[-й]»⁷³. (Известно, что на совещании в Вашингтоне 17–25 июня 1942 г. Черчилль и Рузвельт пришли к выводу о целесообразности высадки войск не на Европейском континенте, а во Французской Северной Африке⁷⁴.) 3 июля 1942 г. британский премьер откровенно признался Майскому, что не может “твердо обещать” второй фронт в 1942 г.⁷⁵ “В самый критический для нас момент, – резюмировал 19 июля 1942 г. советский посол, – мы брошены нашими союзниками на произвол судьбы. Это очень неприятная истина, но нет никакого смысла закрывать на нее глаза”⁷⁶. В дневниковых заметках для себя он отметил два важнейших мотива этой позиции англосаксов – ставка на “истощение Германии и СССР” и “страх англо-американской верхушки перед силой германской военной машины”⁷⁷. Вместе с тем Майский не считал, что Черчилль и его соратники заинтересованы в поражении СССР в войне и даже рискнул не согласиться со Сталиным, когда тот в октябре 1942 г. телеграфировал послу: “У нас в Москве создается впечатление, что Черчилль держит курс на поражение СССР, чтобы потом сговориться с Германией Гитлера или Брюнинга за счет нашей страны”. В ответ на контрдоводы Майского Сталин (редкий случай) сообщил: “Ваши соображения получил. Я нашел в них много интересного и поучительного”⁷⁸.

С лета 1942 г. на Британских островах ширилась кампания за открытие второго фронта в Европе. Но ни требования общественности об оказании поддержки советской стране, ни даже победоносный исход Сталинградской битвы не внесли кардинальных изменений в большую стратегию западных союзников по вопросу об отсрочке второго фронта в Европе. Незадолго до англо-американской конференции в Касабланке (12–24 января 1943 г.) Майский отмечал наличие двух вариантов возможных военных действий США и Великобритании: 1) вторжение во Францию весной или летом и 2) захват Сицилии и Южной Италии. “Очень опасаясь – записал Майский, – что вопрос будет решен в пользу второго варианта, ибо в военном отношении он легче, да к тому же американцы имеют целый ряд политических соображений для откладывания эффективного второго фронта в Европе”⁷⁹.

18 и 21 января 1943 г. посол безуспешно искал у Идена ответа на вопрос – когда, где и с какими силами союзники намерены выступить в Европе. И впоследствии эту острую тему он не раз затрагивал на встречах с британским премьер-министром и с министром иностранных дел. В дневник включен документ “Содержание послания Рузвельта и Черчилля Сталину (26.1.43)” о военных решениях конференции в Касабланке; один из них касался совместной подготовки американских и британских сил к высадке на континенте Европы “как только это окажется практически осуществимым”⁸⁰.

Документы английских архивов также подтверждают упорство и высокий профессионализм Майского в аргументированном отстаивании позиции СССР по второму

⁷² Mr. Roberts to Mr. Bevin, 22 May 1946. – British Documents on Foreign Affairs, pt. IV, Series A. University Publications of America, 1999, p. 110.

⁷³ Научное наследство, т. 33, кн. 2, ч. 2, с. 143. 29 июня 1942 г.

⁷⁴ Там же, с. 348, прим. 14.

⁷⁵ Там же, с. 149. 3 июля 1942 г.

⁷⁶ Там же, с. 164. 19 июля 1942 г.

⁷⁷ Там же, с. 134. 12 июля 1942 г.

⁷⁸ *Ржевский О.А.* Сталин и Черчилль, с. 376–378.

⁷⁹ Научное наследство, т. 33, кн. 2, ч. 2, с. 188. 7 января 1943 г.

⁸⁰ Научное наследство, т. 33, кн. 2, ч. 2, с. 201. 26 января 1943 г.

фронту. Так, Иден в подробной записи своей беседы с послом 17 февраля 1943 г. выделил как заслуживающий внимания неожиданный аргумент Майского, направленный на пересмотр принятых в Касабланке решений в пользу вторжения во Францию летом 1943 г.: “Крайне важно, чтобы крах Германии произошел в результате одновременного нажима с востока и запада. При таком условии перспективы будущего сотрудничества между нашими двумя странами будут наилучшими. С другой стороны, если всё бремя войны падет на Россию и Германия будет разбита только ударами русских, последующая политическая позиция окажется менее выгодной не только для нас, но также и для самой России”. “Совершенно секретно. Только для Комитета начальников штабов”, – гласила резолюция Черчилля на этом документе⁸¹.

Проблемы военной стратегии, неоднозначной реакции Британии (и “этажей общественной пирамиды”) на советские победы посол часто затрагивал в своих донесениях в Москву. Подчеркивались вместе с тем большие опасения союзников по поводу того, что Советская армия придет в Берлин раньше них и СССР “большевизирует” Европу⁸². К тому времени Майского уже давно занимали размышления о послевоенном мироустройстве. В дневниковом наброске “мировой панорамы” после окончания войны от 6 апреля 1942 г. содержится удивительный по своей точности прогноз послевоенного соотношения сил в новом биполярном мире: “Германия, Италия, Япония разбиты и на долгое время ослаблены. Франция в процессе медленного и болезненного восстановления, но потерявшая позицию великой державы. Британская империя сильно ослаблена (беру наилучший для нее вариант – не распад, а трансформация)... Две державы на этом общем фоне будут представлять несколько иную картину – СССР и США”. Эти две сильнейшие державы, продолжал посол, “в послевоенный период будут олицетворять собой два социальных и международных полюса – социализм и капитализм... Вот почему послевоенный период будет вероятнее всего окрашен в цвета борьбы между СССР и США, а не между СССР и Англией”⁸³. Эти и другие соображения впоследствии будут развиты в известной программной записке Майского начала 1944 г. “О желательных основах будущего мира”⁸⁴.

Документально обосновано содержание разделов дневника о целях визита британского министра иностранных дел в Вашингтон (12–30 марта 1943 г.). Более детально, чем в телеграмме в НКВД СССР, Майский изложил содержание своей беседы с Иденом перед его отъездом в Вашингтон и тематику переговоров министра с Рузвельтом и Гопкинсом (будущее Германии, Польша, других стран Европы). 3 мая Майский направил Молотову по его указанию подробное донесение о своих беседах с Иденом 7 и 12 апреля 1943 г.⁸⁵ На конференции “Трайден” в Вашингтоне в мае 1943 г. Рузвельт, Черчилль и их советники договорились о переносе срока вторжения в Западную Европу на май 1944 г. В своих посланиях президенту США и премьер-министру Великобритании 11 июня 1943 г. Сталин заявил протест, а 24 июня выразил свое возмущение Черчиллю в еще более резкой форме, подчеркнув, что “дело идет здесь не просто о разочаровании Советского Правительства, а о сохранении его доверия к союзникам, подвергаемого тяжелым испытаниям”⁸⁶. В дневнике Майского записи об этом не сохранилось, но депеша посла из Архива Внешней Политики МИД живо рисует

⁸¹ Memorandum by the Foreign Secretary, 17 February 1943. – Public Records Office, PREM 3/333/3.

⁸² Анализ противоречивой реакции в Англии на успехи советской армии см.: Научное наследство, т. 33, кн. 2, ч. 2, с. 204–207, 5 февраля 1943 г.; *Стегний П.В.* Новое об истории второго фронта. – *Международная жизнь*, 2000, № 6, с. 96–97.

⁸³ Научное наследство, т. 33, кн. 2, ч. 2, с. 125–126. 6 апреля 1942 г.

⁸⁴ Опубликованный вариант этого документа см. в: *Источник*, 1995, № 4.

⁸⁵ Подробнее о переговорах Идена см.: *Поздеева Л.В.* И.М. Майский и А. Иден. – *Новая и новейшая история*, 2008, № 1, с. 177–179; *Научное наследство*, т. 33, кн. 2, ч. 2, с. 360–361, прим. 34.

⁸⁶ *Переписка...*, т. 1, с. 166–167.

картину бурной реакции Черчилля, более всего уязвленного сталинским обвинением в сознательном обмане. «В ходе разговора, – сообщал Майский, – Черчилль несколько раз возвращался к той фразе послания товарища Сталина, в которой говорится о “дове­рии к союзникам” (в самом конце послания). Эта фраза явно не давала покоя Черчиллю и вызывала в нем большое смущение». Премьер даже усомнился в целесообразности продолжения переписки, которая “только приводит к трениям и взаимному раздра­жению”. Майскому удалось несколько охладить его пыл напоминанием об огромных жертвах Советского Союза и о важности сохранения доверительных отношений меж­ду лидерами союзников в критический момент войны. Черчилль, по его словам, “стал постепенно обмякать” и перешел к оправданию своих действий, словно продолжая заочный спор со Сталиным: “Хотя послание товарища Сталина является очень ис­кусным полемическим документом, – сказал он, по сообщению Майского, – оно не вполне учитывает действительное положение вещей... В тот момент, когда Черчилль давал товарищу Сталину свои обещания, он вполне искренне верил в возможность их осуществления. Не было никакого сознательного втирания очков”. “Но мы не боги, – продолжал Черчилль, – и мы делаем ошибки. Война полна всяких неожиданностей”⁸⁷. На прощание премьер-министр сделал редкий комплимент Майскому как дипломату, который тот благоразумно не стал включать в свою телеграмму, зная, как в Москве могут отнестись к подобной похвале. Но, к счастью, эти слова Черчилля сохранились в его записи беседы с Майским, которую премьер надиктовал секретарю, а затем собственноручно отредактировал. “Я уверен, – сказал Черчилль, – что он (м-р Майский) всегда наилучшим образом представлял английскую точку зрения для России, как и русскую – для Англии. Поэтому его миссия в Англии стала такой памятной”⁸⁸.

Это была последняя встреча Майского с Черчиллем в качестве советского посла в британской столице. 2 июля 1943 г. он сделал только одну краткую запись в дневнике по поводу своего вызова в Москву для консультаций по послевоенным вопросам. “Думаю, однако, дело тут не только в консультациях. Мне кажется, что вызов меня является также формой нашего недовольства бритпра за нарушение слова в вопросе о втором фронте. Так именно воспринял мое сообщение о предстоящем отъезде Иден”⁸⁹. Отзыв Майского из Лондона и Литвинова из Вашингтона действительно расценивался в западных столицах как демонстративный политический протест⁹⁰. В жизни Майского открывалась новая глава, которая, будем надеяться, найдет отражение в продолжении публикации его дневников.

В заключение хотелось бы отметить высокий профессиональный уровень рецензи­руемого издания – строгий научный аппарат, прекрасные иллюстрации, великолепное редакционно-издательское оформление, тщательно составленные высококвалифици­рованным коллективом под руководством академика А.О. Чубарьяна подробные ком­ментарии и примечания, необходимые для ориентации даже подготовленного читате­ля в этом большом и сложном материале. “В более отдаленном будущем мой дневник или наиболее интересные выдержки из него, пожалуй, и могли быть изданы, – писал Майский в 1941 г., направляя свой дневник Сталину. – Как бы, однако, ни решился вопрос об издании, сохранить дневник стоит: он может пригодиться историку нашей эпохи”⁹¹. Можно только порадоваться, что мечта Майского теперь сбывается; жаль только, что это ценное издание вышло таким малым тиражом.

⁸⁷ АВП РФ, ф. 059а, оп. 7, п. 13, д. 6, л. 293–295, 298.

⁸⁸ WSC Account of Maily Meeting 3 July 1943. – PRO, PREM 3/333/5.

⁸⁹ Научное наследство, т. 33, кн. 2, ч. 2, с. 322. 2 июля 1943 г.

⁹⁰ Там же, с. 368–369, прим. 69, 70.

⁹¹ Там же, с. 89.